

П. П. ЕФИМЕНКО—*Первобытное общество*. Очерки по истории палеолитического времени. Второе дополненное и переработанное издание. Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1938, стр. 636. Тираж 10 000. Цена 20 руб.

Выход в свет рецензируемой книги приходится расценивать, как крупное событие на историческом фронте. Написанная выдающимся знатоком и исследователем палеолита, книга является ценным вкладом в литературу, посвященную первобытной истории, и заслуживает подробного рассмотрения. Она представляет собой переработанное и расширенное издание труда, выпущенного П. П. Ефименко в 1934 г. под названием: «Дородовое общество». Несмотря на перемену названия, круг вопросов, освещаемых книгой, не изменился; он не выходит за рамки истории палеолитического времени; тем не менее, книга увеличилась в объеме почти вдвое, главным образом, за счет привлечения накопленных за последние годы материалов, более подробного освещения некоторых вопросов, а также за счет увеличения числа иллюстраций. В настоящем своем виде книга представляет объемистый, хорошо изданный и богато иллюстрированный том, без которого невозможно будет обойтись ни одному историку, сколько-нибудь интересующемуся первобытной эпохой.

Ценность книги заключается прежде всего в археологическом материале, собранном и систематизированном руками специалиста. Автор строит свое изложение, главным образом, на археологическом материале Советского Союза, изложенном и разработанном с исчерпывающей полнотой. В силу этого книга представляет собой капитальную сводку по палеолиту СССР и безусловно явится неоценимым руководством для историков нашей родины.

Однако в рецензируемой работе П. П. Ефименко выступает не только как систематизатор и собиратель материала, но и как исследователь, стремящийся сломать традиции буржуазного вещеведения, создать новую концепцию палеолитической истории, обосновать материалистический взгляд на первоначальные периоды истории.

В этом отношении его книга вносит много нового. Автор, в общем, успешно преодолевает чисто формальную схему палеолитической истории, строившуюся в трудах буржуазных ученых преимущественно на типологических признаках. Исходя из всестороннего изучения огромного фактического материала, автор выдвигает новую периодизацию развития материального производства, включившую в себя и поднявшую на высшую ступень схему Мортилье.

Поскольку история палеолитического человечества была тесно связана с географической средой, вне которой немислимо понять целый ряд особенностей культур палеолита, постольку автор уделяет значительное внимание геологическим вопросам, занимающим две обширные главы (гл. 1. Ледниковый период, гл. 2. Геология в ее отношении к первобытной истории). Если в первом издании своего труда П. П. Ефименко твердо стоял за моноглатциализм, то в рецензируемой книге он изменил свою позицию, приняв традиционную полиглатциалистическую схему. «В настоящее время, — говорит он, — всё же трудно было бы возражать против неоднократного наступания ледника не только в горных областях, но и на севере Европы» (стр. 63).

Этим самым П. П. Ефименко ликвидирует разногласия, существовавшие между его схемой и общепринятым толкованием фактов. В то же время он сохраняет свою старую, основанную на моноглатциализме концепцию развития фаунистических и климатических явлений на протяжении четвертичного периода. По его мнению, можно констатировать три последовательных наступления ледника — миндельское, рисское и вюрмское. Вопрос о гюнцском оледенении автор обходит, явно уклоняясь от четкой формулировки своих взглядов. Период доминдельского оледенения характеризуется мягким и влажным климатом, растительностью средиземноморского типа, фауной гиппопотама и южного слона. Первоначальное (миндельское) развитие ледника не оказало серьезного влияния на характер растительного ландшафта и не сопровождалось коренным изменением фауны. Фауна гиппопотама заменяется фауной древнего слона и

носорога Мерка, субтропические леса—буковым и дубовым лесом. Климат остается влажным и умеренным. Миндель-рисское межледниковое время не только не дает потепления, но скорее сопровождается признаками прогрессирующего похолодания (например, распространение в северной полосе Европы тундр). Рисской фазе (максимальное оледенение) отвечает значительное похолодание, холодный и влажный климат, распространение лесо-степи и тайги, фауна мамонта и сибирского носорога. Но и в это время климат не столь суров, как это принято думать; он может быть сопоставлен с климатом Патагонии или Огненной земли (стр. 269). Наконец, только к концу четвертичного времени (вюрмское оледенение) распространяются тундра и степь, климат становится сухим и холодным, для фауны типичен северный олень. Но даже в эту, наиболее суровую эпоху плейстоцена, климатические условия не могут быть сопоставлены с арктическими; в это время в Европе существует целый ряд зон, климат которых варьирует от полуарктического до умеренного.

Картина, нарисованная П. П. Ефименко, существенно отличается во многих чертах от общепринятых взглядов на геолого-климатические условия четвертичного периода. Полагая, что всесторонняя оценка ее—дело геологов, мы считаем необходимым отметить, что, если характеристика природной среды четвертичного периода в книге П. П. Ефименко окажется правильной, то она заставит по-новому взглянуть на многие моменты хозяйственной жизни палеолитического человека.

Исходя из общей характеристики климатических, фаунистических комплексов и уровня развития производительных сил, П. П. Ефименко выделяет в истории палеолита четыре этапа:

1. Нижний палеолит до раннего ашеля включительно: доледниковое время, миндельское оледенение, теплый климат, фауна гиппопотама и древнего слона; остатки человека не сопровождаются ни кострищами, ни скоплениями костей; следов огня не найдено. Собирательство—главное занятие. Ручные рубила всегда приготовлены из местных пород камня; человек не совершал больших передвижений; лазал по деревьям с большим искусством. Первобытное стадо.

2. Средний палеолит: миндель-рисское межледниковье и рисское оледенение; позднее—ашельская эпоха. Растущее значение охоты. Типы технического использования камня многообразны; наличие огня. Использование кости в качестве отжимников и спорадически в виде грубых орудий. Эндогамная коммуна с кровнородственной семьей.

3. Ранняя пора верхнего палеолита: ориньякско-солютрэйская эпоха. Рис-вюрмское время. Фауна северного оленя. Тундро-степной характер страны. Заселение пещер и навесов скал. Охотничье хозяйство оседлого типа. Главный объект охоты—мамонт. Зимние жилища. Расцвет кремневой индустрии. Мотыги из бивня мамонта. Возникновение родового строя.

4. Поздняя пора верхнего палеолита. Вюрмское оледенение. Суровый климат. Фауна северного оленя. Упадок кремневой индустрии. Костяные гарпуны. Зимняя охота на северного оленя. Рыболовство. Кочевая форма хозяйства. Переносные жилища. Дротик и метательная дощечка. Дальнейшее развитие родового строя.

Изложенная периодизация, построенная на большом фактическом материале, бесспорно, открывает новую главу в изучении палеолита. Она отражает не только изменения типов орудий труда, но и рост производительных сил общества в целом и соответствующие изменения общественных отношений. С этой точки зрения схему П. П. Ефименко можно рассматривать как попытку марксистской периодизации палеолитического времени, и притом попытку, в основе своей, удачную. Убедительно выглядит противопоставление собирательского хозяйства нижнего палеолита охотничьему хозяйству среднего палеолита, убедительно вскрыты различия между охотой среднего и верхнего палеолита; наконец, огромное методологическое и теоретическое значение имеет изучение верхне-палеолитических жилищ, фактически впервые предпринятое П. П. Ефименко; в заслугу автору следует поставить также то, что он, наконец, преодолел расплывчатые схемы эпигонов буржуазной этнологии, признал верхний палеолит эпохой ранне-родового общества. Мы не говорим уже о множестве специально-тех-

нических наблюдений, вроде, например, наблюдений над рубящими орудиями верхнего палеолита, заслуживающих самого пристального внимания. Все эти моменты, совокупно с огромным количеством фактического материала, систематизированного и изложенного в книге, делают труд П. П. Ефименко незаменимым руководством по изучению палеолита СССР.

Наряду с отмеченными выше несомненными достоинствами, в книге Ефименко есть ряд недостатков и спорных положений, на которые необходимо обратить внимание читателя. Прежде всего, автор далеко не полно и не равномерно использует материалы западноевропейских стоянок, а палеолит Африки и южной Азии затрагивается им лишь мимоходом. Автор владеет только археологическими источниками, заимствуя данные этнографические из вторых рук и привлекая их в очень скудном объеме. Поэтому построения автора по вопросам брака, рода, первобытной религии лишены четкости и оригинальности. По этой же причине название книги не вполне соответствует содержанию. Она скорее является археологией палеолитического времени на территории СССР, отчасти—западной Европы, чем историей раннего периода первобытного общества в полном ее объеме.

Далее, при всех положительных чертах изложенной выше периодизации, в ней остается не вполне обоснованным разделение верхнего палеолита на две эпохи—ориньякско-солютрэйскую и солютрэйско-мадленскую. В качестве руководящих признаков этого разделения автор выдвигает охоту на мамонта и оседлость для ранней поры и охоту на северного оленя и кочевой образ жизни для поздней поры.

Однако сам автор признает, главным образом для Восточной Европы, наличие и в мадленскую эпоху оседлых поселений охотников на мамонта и дикую лошадь (стр. 493), что не укладывается, очевидным образом, в новую периодизацию верхнего палеолита. Если же учесть, что это деление неприменимо к палеолитическим стоянкам Испании и Северной Африки, то станет очевидным, что на наличной ступени разработки материала оно не может еще претендовать на универсальность и нуждается в дальнейшей детализации. Необходимо отметить также, что, стремясь подкрепить свою периодизацию, П. П. Ефименко модернизирует хозяйство поздней поры верхнего палеолита. Так, на наш взгляд, переоценено значение рыбной ловли (стр. 479); невозможно согласиться с предположением о существовании у мадленца сетей (там же); появление лука необоснованно относится к мадленскому времени (стр. 520); недопустимо предположение о возможности приручения северного оленя (стр. 529). Если бы все эти допущения П. П. Ефименко оказались верными, то мадленский охотник по степени своего хозяйственного развития сравнялся бы с звенками XVIII в.

В целом ряде высказываний автора проглядывает недооценка значения типологической классификации орудий труда.

На протяжении всей книги П. П. Ефименко не уделяет необходимого внимания руководящим типам орудий, говоря о них недостаточно четко и полно. Так, при характеристике, надо сказать очень суммарной, руководящих типов нижнего ориньяка (стр. 355—356) им опускаются ножи с выемками—едва ли не самые типичные формы этого времени. В примечании на стр. 15 автор, утверждая, что палеолит, неолит, каменный век—мало содержательные термины, впадает в прямое противоречие с Марксом, отметившим научное значение и содержательность этой периодизации («Капитал», I, Гиз, 1930, стр. 121).

Игнорирование типологических признаков, составляющих важнейший опорный пункт при построении хронологии каменного века, является чрезвычайно опасной тенденцией, ведущей к замене научной истории палеолита социологическими схемами, открывающими полный простор субъективизму. Особенно ярко это сказывается на стр. 326—328, где автор подвергает сомнению разделение верхнего палеолита на ориньякскую, солютрэйскую и мадленскую эпохи, ибо изменение руководящих типов орудий, положенное в основу этой классификации, не может якобы считаться «достаточно точным показателем изменения общественно-хозяйственного уклада» (стр. 328). Попытка ликвидировать хронологическую последовательность ориньяк—солютрэ основывается на находках, сделанных автором под Воронежем, в Тельмановской стоянке

уже, очевидно, после того, как книга была написана, и поэтому проявляется она лишь в отдельных вставках в текст и в ряде подстрочных примечаний. В силу этого не только взгляды автора не получили отчетливой формулировки, но и описание самой стоянки в книгу не попало. Оставляя более полное обсуждение проблемы до появления публикации стоянки, отметим, что попытка объявить солютрэ и ориньяк двумя синхронными вариантами одной и той же ступени развития разбивается об один незабываемый факт: во множестве палеолитических местонахождений солютрэйские слои перекрывают ориньякские [Маргит (Бельгия), Палфи (Чехословакия), Ипсвич (Англия), Бертон, Брасемпуи, Комб-Капель, Истуриц, Ложери-От, Солютрэ и др. (Франция)], но неизвестна ни одна пещерная стоянка, где бы ориньякский слой перекрывал солютрэйский. Этим твердо устанавливается историческая последовательность — ориньяк—солютрэ.

Слабой стороной периодизации П. П. Ефименко является его попытка расчленил дороговую эпоху на период первобытного стада (нижний палеолит) и эндогамную коммуну (средний палеолит). За отсутствием каких-либо фактических данных, автор апеллирует к кровнородственной семье, отличающей якобы одну из названных выше форм общества от другой. Приходится указать, однако, что:

1. Отнесение кровнородственной семьи к среднему палеолиту есть чисто произвольная конструкция, лишенная научных доказательств.

2. Кровнородственная семья является гипотетической формой; характеризовать при ее помощи эндогамную коммуну—значит на место одной гипотезы подставлять две.

3. Кровнородственная семья в представлении Моргана есть только форма брачных отношений, а не форма общества, а поэтому, если даже отбросить первые два возражения, всё равно нельзя согласиться в этом пункте с периодизацией П. П. Ефименко, придающего развитию брачно-родовых отношений и кровнородственных связей с а м о д о в л ю щ е е значение. Говоря, что «история первобытного общества представляет собой процесс развития общественной организации, основанной на естественных связях» (стр. 6), П. П. Ефименко рисует эволюцию кровнородственных отношений, как спонтанный процесс, не определяющийся развитием производства, но протекающий параллельно этому последнему: «Наряду с семейно-брачными отношениями, показателем исторического движения первобытного человечества являются его успехи в производстве средств существования». Эти формулировки приходится считать ошибочными. Развитие брачных и родовых отношений первобытного общества, как и всякой другой общественной формации, определяется, в конечном итоге, развитием производительных сил и вырастающих на этой основе экономических отношений. Не отрицая значения родовых связей в первобытной истории, приходится сказать, что всякое общество основывается на трудовых т. е. социальных, а не естественных связях. Марксистский взгляд на первобытное общество, наиболее отчетливо сформулированный в «Истории ВКП(б)», гласит: «при первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства»¹.

Наряду с отмеченными методологическими промахами, в книге встречаются спорные положения и недочеты иного порядка. Слишком суммарно и общо трактован в главе третьей вопрос о происхождении человека, поверхностно разобрана (стр. 126) антинаучная теория полигенеза. Автор ограничивается заявлением о ее неприемлемости, не дав себе труда свести воедино аргументы в пользу моногенеза. Не использованы новейшие материалы о родословном древе человека, и явно недооценена древность прямохождения, зародившегося, как показывают новейшие исследования, еще в плиоцене². То же самое относится к описанию питекантропа и синантропа, куда не попали новейшие находки. Так, второй череп питекантропа (1937) упоминается только в пояснении к IX таблице, а фрагмент челюсти не упоминается вовсе; говоря о синантропе,

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119. Курсив наш—А. З.

² См. М. Ф. Нестурх—Ископаемые антропиды и новейшие гоминиды. «Успехи современной биологии», 1938, т. IX, в. 2.

автор называет цифру 24—25 особей, в то время как новейшие исследования дают 32—34 особи; автор упоминает две черепные крышки (стр. 136), между тем их известно уже девять. Слишком суммарная характеристика дана в высшей степени интересным находкам в Драхенлохской пещере (стр. 276). Остается спорным толкование этих находок автором, усматривающим в складах голов и костей медведя «заготовку запасов». Трудно пройти мимо поразительного сходства обстановки этих находок, где были сложены в специальных каменных камерах черепа медведей, пробитые мощными ударами слева, и кости медвежьих лап, с обычаями гиляков и ульчей сохранять после медвежьего праздника черепа медведей и шкуру с лап («перчатки»). В то же время теория заготовки запасов не объясняет характера находок, ибо, с точки зрения запасов, голова медведя—наименее подходящая часть тела: в ней мало мяса, и она портится скорее прочих частей. Характерно, что, отметив в стоянках ориньякско-солютрэйского времени нахождение лап и черепов животных, П. П. Ефименко прямо толкует их как доказательство «почитания животных» (стр. 428), и мысль о запасах здесь не приходит ему в голову. Следовательно, драхенлохские находки требуют к себе более внимательного отношения и нуждаются в специальном исследовании.

Мало убедительным представляется нам истолкование мустьерских камней с чашечковидными углублениями, как чуринг неандертальского человека (стр. 293). Оно покоится на сравнении с тасманийцами, общественный строй которых автор, несомненно, архаизирует. Так П. П. Ефименко пишет, что у тасманийцев, «видимо, отсутствовали родовые союзы, связанные с экзогамией» (стр. 303). Между тем, в статье А. П. Пиотровского, на которую автор ссылается, говорится как раз противоположное: «локальные группы, по общему правилу, были экзогамны»¹. Физерман также подтверждает, что «тасманийцы добывали своих жен похищением у соседних племен, т. е. брак даже с отдаленными родичами рассматривали, как вредоносный и кровосмесительный»². Насколько можно судить по сохранившимся открыточным и неполным сообщениям, социальный строй тасманийцев был основан на материнском праве. Сверх того, им был известен тотемизм, существование которого у них отрицает П. П. Ефименко, обряды посвящения и интичиумы. Следовательно, само сопоставление тасманийцев с неандертальским первобытным стадом приходится признать натяжкой.

Характеризуя перемены, совершившиеся при переходе от среднего к верхнему палеолиту, автор указывает на заселение пещер, как на типичное явление ориньякских времен (стр. 313 сл.). В этом вопросе автор расходится с общепринятыми в науке взглядами. Заселение пещер происходит еще в мустьерскую эпоху. Об этом свидетельствует следующая таблица, составленная Хрдличкой³ по данным западноевропейских стоянок.

Эпоха	Стоянки, расположенные на открытых местах	Пещерные стоянки
До Шелль	100%	—
Шелль	94 »	6%
Ашелль	78 »	22 »
Мустье	34 »	66 »
Ориньяк	18 »	82 »
Солютрэ	14 »	86 »
Мадлен	10 »	90 »

Таблица показывает, что уже в ашелльскую эпоху значительный процент стоянок располагается в пещерах, но мустьерская эпоха дает резко выраженный перелом. В верхнем палеолите мы наблюдаем дальнейшее развитие мустьерской традиции.

¹ А. П. Пиотровский.—Тасманийцы. «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 172.

² A. Featherman—Social history of the races of mankind, London, 1881, II, 105.

³ A. Hrdlicka—Neanderthal phase of Man. Smithsonian Report. 1928, Washington. 1929.

Автор полагает, вслед за рядом советских и буржуазных антропологов, что неандертальский человек представляет собой прямого предшественника *homo sapiens* (стр. 299—300, 431—436).

К сожалению, автор не приводит ни одного нового аргумента в пользу этого, на наш взгляд совершенно верного, но всё же многими оспариваемого положения. Более того, он не воспроизводит аргументов, уже выдвигавшихся в литературе (Хрдличка, в особенности Г. Дебец)¹, ограничиваясь догматическим отрицанием противоположных взглядов. В книге отсутствует даже описание знаменитых палестинских неандертальцев, обнаруживших переходные к *homo sapiens* черты. Сама характеристика человека верхнего палеолита отличается отрывочностью.

О гримальдийском типе П. П. Ефименко говорит вскользь, умалчивая об условиях находки (в слое на 60 см. ниже кро-маньонцев) и рассматривает его как «инфильтрацию» южных групп человечества (стр. 433). Однако подобное объяснение едва ли приемлемо; последние открытия показывают, что в палеолитическое время вся Северная Африка была заселена европеоидами, а негроидный тип встречался лишь к югу от Сахары². В этих условиях появление двух негроидов-гримальдийцев в Европе представляет чистейшую загадку, в связи с чем возникает необходимость полного пересмотра вопроса о негроидах в Европе. Совершенно напрасно автор выделяет в качестве особого типа шансельядского человека (стр. 435), предположение об эскимоидности которого было основано на недоразумении, разъясненном Кизом³. Таким образом, страницы, посвященные физическому типу человека верхнего палеолита, принадлежат к числу наименее удачных в книге.

Специального рассмотрения требует позиция автора в вопросе о причинах, обусловивших превращение неандертальца в *homo sapiens*. Автор полагает, что движущей силой этого процесса был переход от эндогамных браков, в течение многих поколений заключавшихся внутри замкнутых орд, к экзогамии. Изменение браков послужило толчком, вызвавшим трансформацию физического типа неандертальца в физический тип *homo sapiens* (стр. 299, 433). Нам уже приходилось указывать⁴, что в этой идее, намеченной автором еще в первом издании его книги, есть рациональное ядро. Но для того, чтобы превратиться в научно апробированную теорию, идея эта должна быть уточнена, разработана, сопоставлена с данными этнографии.

К сожалению, и в рецензируемом издании автор не потрудился разработать этот вопрос. Автор обходит социальную сторону проблемы, совершенно не привлекая данных этнографии. В связи с какими материальными и экономическими сдвигами возникает экзогамный запрет? В какой форме он появляется и какой круг лиц он охватывает? Распадается ли одна и та же орда на экзогамные половинки или вновь установленный запрет охватывает целую орду, в силу чего каждая орда вступает в тесные брачные связи с соседней ордой и конституируется в род? Все эти вопросы автор замалчивает, ограничиваясь утверждением, что введение экзогамии повлекло за собой прилив новой крови и превращение неандертальца в биологически более совершенный тип *homo sapiens*. Разумеется, такая постановка вопроса, грешащая односторонне-биологическим рассмотрением важнейшей проблемы первобытной истории—проблемы возникновения родового строя, не может считаться отвечающей требованиям марксистской науки.

Недостаточно полна и убедительна характеристика искусства верхнего палеолита. Из 35 страниц, занятых этой темой, 22 посвящены женским статуэткам. Наскальной живописи автор уделяет три в общих выражениях составленные страницы, где отсут-

¹ Г. Дебец—Брюнн, Пшедмост, Кро-маньон и современные расы Европы. «Антропологический журнал», 1936, № 3, стр. 310—326.

² Г. Дебец—Палеоантропология Африки. «Советская Археология», 1937, 4, стр. 335 сл.

³ A. Keith—New Discoveries relating to the Antiquity of Man., N. Y. (год не указан), стр. 395.

⁴ А. М. Золотарев—Исторические предпосылки формирования *homo sapiens* в освещении советской археологии. «Антропологический журнал», 1936, № 3, стр. 360—363.

ствуется всё, что необходимо даже в популярной книге: характеристика основных памятников, разбор стилей и их синхронизация с культурами верхнего палеолита. Переоценивая значение женских статуэток, П. П. Ефименко выдвигает весьма спорное их толкование. Не прибегая к длинным цитатам, можем резюмировать взгляды П. П. Ефименко на этот предмет в следующих положениях:

1. История палеолитического искусства делится на два этапа: ориньякско-солютрэйский—с преобладанием женских фигурок и мадленский—с преобладанием схематических изображений мужчин и реалистических изображений животных (стр. 423, 531).

2. Первой формой религиозного культа родового общества был культ женщин-прародительниц, являвшихся символом объединения оседлых групп, и лишь позднее появляется тотемизм, связанный с бродячим образом жизни (стр. 427, 534).

Взгляды эти не учитывают двух групп фактов.

Изображения животных древнее женских статуэток. Они относятся к ранне-ориньякскому времени и открыты в пещерах Пер-нон-Пер, Ла Мут, Гаргас, Кастильо, Комбарелль и многих других.

Статуэтки женщин появляются только в поздне-ориньякскую и солютрэйскую эпохи.

2. Число известных нам женских статуэток не превышает нескольких десятков штук. Живописные и резные изображения животных исчисляются тысячами. Поэтому было бы неосторожно рассматривать женские статуэтки как доминирующий мотив в искусстве верхнего палеолита.

В связи с указанным теряет значение гипотеза П. П. Ефименко о позднем, по сравнению с почитанием женщин-прародительниц, появлении тотемизма; Да и само истолкование женских изображений, как изображений прародительниц рода, кажется односторонним и не совместимым с фактом находок в одном жилище (например, Костенковская землянка) многих статуэток. Более правдоподобной, лучше согласующейся с фактами этнографии представляется нам гипотеза С. Н. Замятнина, видящего в женских статуэтках магические фигурки, усилившие эффективность коллективной охоты¹.

Не можем согласиться с тем, что в конце мадленской и в азильскую эпоху собаки «ценились как помощники на охоте, как тяговая сила в охотничьих экспедициях и т. д., а посему лишь в редких случаях использовались на мясо» (стр. 530). Невозможно допустить, чтобы человек, приручивший собаку, сразу научился использовать ее на охоте и для транспорта. По всей вероятности, собака долгое время столь же мало использовалась на охоте и при перекочевках, как собака современных австралийцев, и в периоды голодовок поедалась человеком. За это определенно говорят находки собачьих костей, обнаруженных среди пищевых отходов и в остатках очага (Верхоленская гора, Афонтова гора), а в Маглемозе—расколотых вдоль для высасывания костного мозга².

Неблагоприятное впечатление оставляет глава «Азильское время» (гл. XII). В ней отсутствует четкая и ясная система изложения, вследствие чего составить себе сколько-нибудь отчетливое представление о ходе исторического развития на протяжении азильского времени невозможно. Весьма интересны даты, выставляемые автором: мадленское время 30 000—25 000 лет; азильское время—около 20 000 лет, аренбургская стадия и стадия лингби—до 7 000; маглемозе—7 500—5 300. Таким образом, автор отказывается от принятой Обермайером и ставшей традиционной синхронизации маглемозе и азилья. Но, к сожалению, как раз в этом вопросе автор не свободен от противоречий в датах. Так, на таблице 1-й аренбургская стадия датирована 15 000—12 000 лет, а на стр. 609—концом «стадии Иольдиева бассейна», т. е., по той же таблице, 7 500 лет. На стр. 633 автор сомневается в предположении Сараува, полагавшего, что

¹ См. С. Н. З а м я т н и н—Раскопки у села Гагарина. «Палеолит СССР», ГАИМК, 1935; А. С. Г у щ и н—Происхождение искусства, Л.-М. 1937, стр. 98; С. В. И в а н о в—Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. «Советская этнография», 1934, № 4; стр. 93—95.

² С. В. Г о л ь м с т е н—К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. «Проблема происхождения домашних животных», Л., 1933, в. 1, стр. 87.

люди маглемозе жили на плотках. Следует указать, что гипотеза Сараува в настоящее время оставлена, ибо дальнейшими исследованиями установлено, что жилища людей маглемозе находились на узкой косе, далеко вдававшейся в озеро¹.

Остается указать еще на некоторые мелкие погрешности рецензируемой книги. Из изложения на стр. 258 трудно понять, применялась ли в мустьерскую эпоху отжимная или контр-ударная ретушь, или оба приема существовали одновременно. Не следует к неандертальскому стаду применять термин «семейная община» (стр. 283); недооценено участие женщин в охоте в мустьерскую эпоху (стр. 287). Для верхнего палеолита рано говорить «о внутригрупповом разделении труда» (стр. 341), непонятно, что такое «поколения, ведущие счет по материнской линии» (стр. 348), — при делении орды только на поколения никакого счета родства и наследования вообще не ведется. Невероятно предположение о существовании мужских домов в ориньякско-солютрэйское время (стр. 398); они появляются только в эпоху распада матриархального общества; (фантастична реконструкция палеолитического тесла на рисунке 170 (стр. 402). Не обосновано мнение автора о позднем появлении лука в культурах арктического типа (стр. 405); не убедительно голословное отрицание введенных Брейлем понятий — «атлантический» и «средиземноморский» круги (стр. 611).‡

Нужно отметить также некоторые технические погрешности издания: отсутствуют предметный указатель; географические карты и достаточно полный аппарат примечаний. В примечании на стр. 594 говорится: «литературные указания см. в конце книги». Они, однако, отсутствуют. Некоторые портреты (например, Энгельса) сделаны плохо; в объяснениях к рисункам стоят номерки (отмечающие отдельные орудия), не помеченные на самих рисунках (стр. 445 и др.), в силу чего объяснения оказываются бесполезными для неискушенного читателя.

Наконец, самое отрицательное впечатление оставляет предисловие редакции — бессодержательное, беспомощное, ничего не дающее читателю, но зато... страшущее издательство.

Отмеченные недостатки, пробелы, ляпсусы, неизбежные в книге подобного объема, отступают, однако, на задний план перед высокими достоинствами труда, выход которого приходится расценивать как крупное достижение советской исторической науки.

А. Золотарев

К вопросу о монетах «Герая»

А. Н. ЗОГРАФ—*Монеты Герая*, изд. Комитета наук УзССР, Ташкент, 1937, стр. 36, 1 таблица и 1 рис. в тексте. Тираж 1000 + 100. Цена 1 рубль.

Работа А. Н. Зографа посвящена истории одного из наиболее темных и, вместе с тем, наиболее значительных периодов в истории народов Средней Азии. Это период падения основанного потомками греко-македонских завоевателей греко-бактрийского царства и образования на его территории варварских юечжийско-сакских государств, впоследствии объединенных правителями одного из них, основателями среднеазиатско-индийской державы «Великих Кушанов».

Нумизматический материал является до сих пор для этого периода одним из основных первоисточников.

Достаточно назвать работы Гарднера, Томаса, Друзна, Кэннингема, Смита, Рэпсона, Стейна, Тарна, чтобы понять, насколько важным для познания этой эпохи является исследование монетных материалов.

Работа А. Н. Зографа, посвященная публикации и исследованию относящихся к этой эпохе материалов советских нумизматических собраний Ленинграда и Ташкента,

¹ См. В u r k i t t—Our Early Ancestors, Cambridge, 1926.